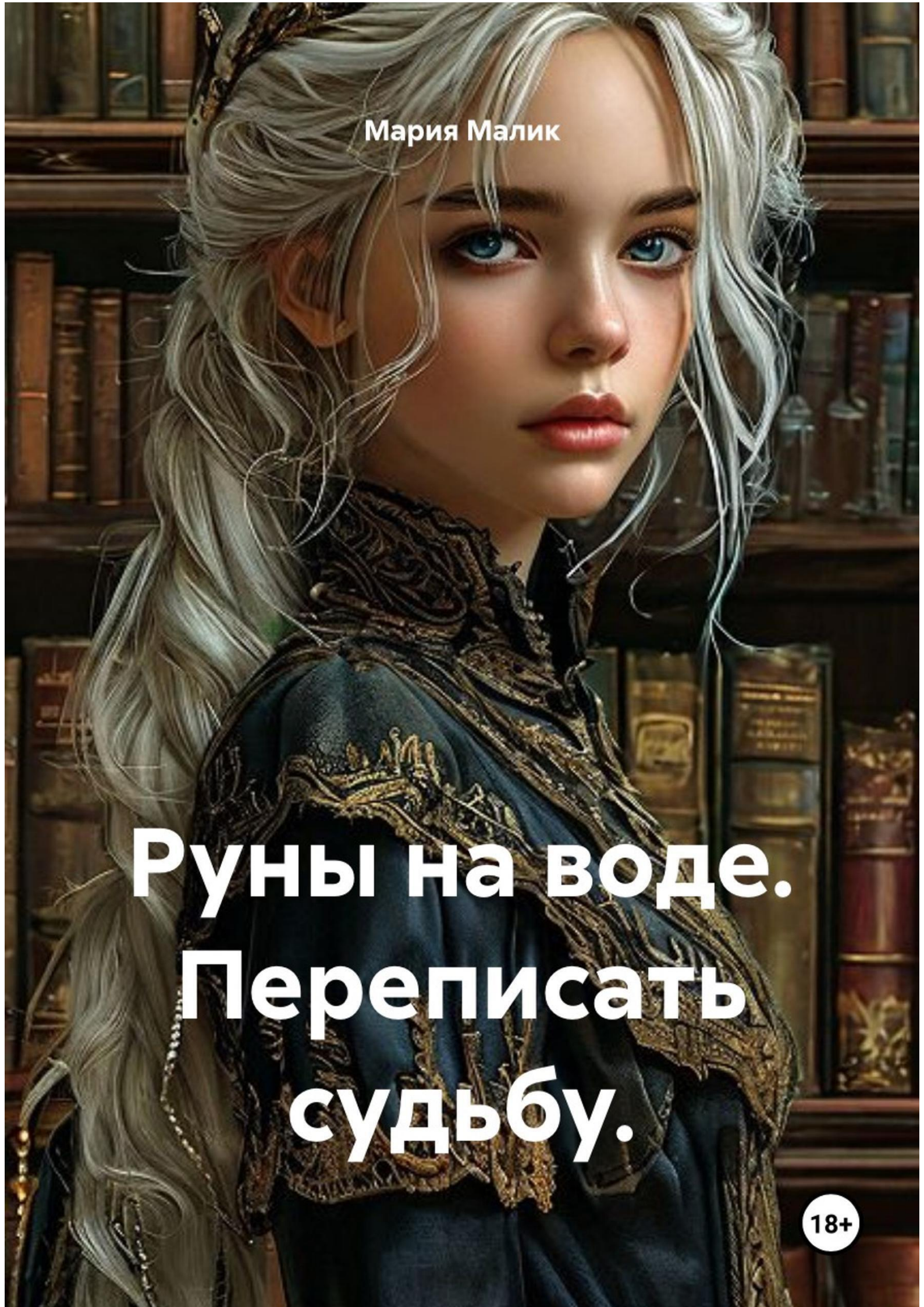

Мария Малик

Руны на воде. Переписать судьбу.

18+

Мария Малик

Руны на воде. Переписать судьбу.

«Автор»

2026

Малик М.

Руны на воде. Переписать судьбу. / М. Малик — «Автор», 2026

Всю жизнь я была невидимкой. Сирота из детдома, которая пряталась от жестоких дразнилок под безликим именем. Я любила красивые наряды и яркую косметику, мои белокурые волосы были ухожены, но люди все равно обходили меня стороной, будто натываясь на невидимую стену. Пытаясь сбежать от одиночества, я ушла работать в глухой архив старой библиотеки. Но однажды в мои руки попала пожелтевшая рукопись о древнем проклятом роде и девушке по имени Лираэль. Это имя отозвалось в моем сердце острой иглой, а на страницах обнаружился ритуал: чернилами начертить руны Истинной Встречи и доверить листок потоку чистой горной реки. Я рискнула, не зная, что магия реки и бушующего моря перенесет меня в чужой суровый мир, прямо в руки грозного воина Фальда и его вещего ворона. Вековой «Венец безбрачия» трещит по швам, древняя ведьма уже отправила по моему следу первородный Ужас. Чтобы выжить и обрести любовь, мне придется пробудить силу руны Уруз и навсегда переписать свою судьбу.

© Малик М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Руны на воде. Переписать судьбу.

Глава

Пролог

Ночь дышала глухим, промозглым туманом, который напелзал со стороны старого пого-ста, укутывая раскидистый заброшенный сад. В полумраке деревянного дома тени метались по стенам, повинувшись безумному танцу догорающих свечей.

В воздухе стоял удушливый, горький запах сушеной полыни, болотной тины и воска.

На коленях посреди комнаты, сжавшись в комок от ужаса, сидела маленькая девочка, с бледным лицом и испуганными, огромными глазами. На вид ей едва исполнилось семь лет. Её хрупкие плечи дрожали под тонкой сорочкой, а взгляд был прикован к женщине, стоявшей напротив.

Старая ведьма, чье лицо казалось высеченным из темного камня, выглядела жутко. В её безумных глазах отражалось пламя черной свечи. В узловатых, покрытых шрамами пальцах она держала свежесплетенный венок из дикого терновника.

Острые, длинные шипы хищно поблескивали в полумраке, а с одного из них капала свежая кровь самой колдуньи. Это была плата за темное таинство.

— Род твой проклят отныне и до скончания времен, — голос ведьмы звучал как шелест сухой листвы на кладбище, низко и вибрирующе. — За грехи твоей матери, за украденное счастье, за слезы, что я пролила, ты и каждая дева твоей крови заплатите сполна.

Ведьма шагнула вперед, и девочка испуганно вскрикнула, попытавшись отползти назад, но невидимая, тяжелая сила прижала ребенка к полу, лишая возможности пошевелиться.

Старуха медленно опустила терновый венец на золотистые волосы девочки.

Едва острые шипы коснулись детской кожи, они не оставили ран, но вспыхнули призрачным, едва заметным багровым сиянием.

Магия уходила глубоко под кожу, вплеталась в нити самой судьбы, запечатывая будущее.

— Доброе утро, Анна Павловна! — с неизменной мягкой улыбкой поприветствовала Лира свою коллегу из отдела художественной литературы, проскальзывая мимо высокой стойки.

Пожилая женщина поверх очков окинула девушку долгим, пронизательным взглядом:

— Доброе, Ирочка. Ты чего это опаздываешь сегодня? На танцульках, небось, была допоздна? — с легкой, но беззлобной иронией отозвалась она.

Лира лишь тихонько усмехнулась, качнув головой.

На этом их беседа закончилась.

В этих стенах все разговоры обычно ограничивались утренним приветствием и вечерним прощанием.

Библиотека не терпела шума и суеты, она требовала благоговейной тишины.

Это место будто жило в своём собственном времени — не застывшем, а тягучем, как густой янтарный сироп. Здесь стрелки часов теряли прежнюю власть. Даже когда за окнами гудел, лихорадочно менял ритмы и цвета суетливый огромный город, внутри всё подчинялось иному, нерушиму закону — закону осторожных шагов и тихого шелеста страниц.

В залах пахло сложно и многослойно.

Воздух был пропитан сладковатой, чуть пыльной нотой старой бумаги, согретым смолистым деревом массивных вековых стеллажей и особым ароматом старинных чернил — давно высохших, въевшихся в историю, но не исчезнувших.

И было в этой атмосфере ещё что-то едва уловимое, то томительное ощущение ушедших эпох, которое невозможно описать словами, но мгновенно узнаёшь, если хоть раз задерживался в архивах допоздна.

Сам архив, где Лира проводила большую часть дня, прятался в самом дальнем, глухом углу здания.

Окружённая металлическими ящиками картотек и тяжёлыми шкафами, она с головой уходила в работу с пожелтевшими документами.

В глубокой тишине этой комнаты листы шуршали в её пальцах так, словно шёпотом пересказывали свои сокровенные тайны.

При этом Лира вовсе не была серой, застенчивой библиотечной мышкой. Она искренне любила яркие, стильные наряды, а изящная косметика была постоянной гостьей на её лице.

Она стремилась к красоте, но парадокс заключался в другом. Куда бы она ни приходила, люди почему-то косились в её сторону с необъяснимым подозрением, а за спиной шептались, называя белой вороной.

Окружающие словно подсознательно чувствовали в ней чужака и испытывали странную, интуитивную неловкость.

Подруги возле неё никогда долго не задерживались, а парни и вовсе обходили стороной, будто натываясь на невидимую глухую стену.

Впрочем, к одиночеству Лире было не привыкать. Она выросла на суровых просторах детского дома, где ожесточённые тяжёлым бытом дети редко проявляли сострадание.

Для них она всегда была чужачкой, объектом для насмешек, выдумывавшим для неё обидные, хлёсткие прозвища вроде «Лирка-дырка».

Именно тогда, чтобы защитить себя от чужой жестокости, девочка возвела вокруг своей души первые оборонительные стены.

Знакомясь с новыми людьми, она всегда представлялась просто и безлико — Ириной.

Это обычное имя служило ей надёжной бронёй, маскировкой, позволявшей слиться с толпой. Лира искренне не понимала, кто, когда и за что наградил её, подкинутого в детский дом младенца, этим странным, редким и непонятным именем.

Оно казалось ей чужим, неподходящим для серой реальности.

В подростковом возрасте эта изоляция горько ранила её, обижая до слёз.

Но шли годы, она привыкла, переросла старые обиды и научилась опираться только на себя. Само колючее слово «одиночество» Лира легко, с гордостью и зрелой внутренней силой заменила на другое, куда более звучное — свобода!

Время летело наперегонки с ветром за окном, безжалостно сменяя сезоны. Но в тихом архиве все оставалось прежним: мерное тиканье часов, разговоры вполголоса и любимые книжные герои.

Особенно трепетно Лира относилась к

старинным фолиантам из далёких веков. Она с замиранием сердца касалась хрупких, истончившихся страниц и жадно вчитывалась в строки, которые от времени местами стёрлись или осыпались мелкой тёмной пылью под её тонкими пальцами.

И вот однажды, разбирая полузабытую коробку с немаркированными рукописями, она наткнулась на пожелтевшую тетрадь в потрескавшемся кожаном переплёте.

На её страницах разворачивалась чужая, пугающе сложная судьба.

Едва Лира сквозь сумерки архива скользнула взглядом по первой строчке, как имя героини из прошлого отозвалось в её груди внезапным, острым уколом иглы прямо в сердце.

Её звали Лираэль.

Она не могла, просто физически не могла оторвать взгляда от выцветших строк, повествующих о давно забытых временах и девочке со странным, созвучным её собственному имени - Лираэль.

Лира набросилась на эту рукопись как изголодавшийся путник на еду, жадно впитывая каждое слово, каждую чернильную закорючку. За окнами архива медленно сгущались сумерки, комната тонула в тени, но девушка не замечала ничего вокруг. Весь её мир сузился до размеров пожелтевших страниц.

На страницах этой ветхой тетради разворачивалась масштабная, полная боли драматическая судьба целого древнего рода, который веками, шаг за шагом, уходил в холодное забвение.

Лира читала о тайнах, скрытых в заброшенных садах, о величественных женщинах, обладавших пугающей силой, и о том, как над ними одна за другой смыкалась глухая стена одиночества.

Каждая строчка дышала неотвратимым роком.

Чем дальше она продвигалась в глубь текста, тем явственнее ей казалось, что эта старинная трагедия - вовсе не выдумка мертвого автора, а зеркало, в которое она смотрит всю свою жизнь.

Строчка за строчкой, страница за страницей - Лира уходила всё глубже в чужое прошлое, которое с каждым мгновением казалось ей всё менее чужим.

Драматическая летопись уходящего в забвение рода вела её сквозь десятилетия, пока повествование не дошло до переломной точки. До момента, когда древняя Лираэль, устав нести на своих плечах невидимое проклятие одиночества, решила на отчаянный шаг.

Она искала спасения. И, судя по неровным, спешным строкам, она его нашла.

Прямо посреди пожелтевшего листа, окруженный странными угловатыми символами, был подробно описан ритуал.

Лираэль утверждала, что этот древний обряд - единственный способ воззвать к справедливости и найти свое истинное счастье, пробив глухую стену рока.

Правила магии были строгими, но кристально чистыми.

Требовалось взять плотный листок бумаги, сосредоточить в мыслях свое самое сокровенное, жгучее желание и аккуратно вывести на нем особое руническое обращение к Высшим силам.

А затем, отыскав глубоко в глуши, в самом уединенном и сокрытом от чужих глаз месте, быстротечную, чистую реку, доверить ей свое послание.

Бурные, сильные воды должны были унести руны прямо к чертогам тех, кто вершит человеческие судьбы.

Лира сидела неподвижно, багровые сумерки архива уже почти полностью поглотили комнату, но она не замечала темноты.

Сердце в груди стучало как сумасшедшее. Она перевела взгляд на угловатые знаки в книге - руны, которые казались странно знакомыми, словно она видела их во сне.

Невидимая нить времени, тянувшаяся из восемнадцатого века, наконец дошла до своего адресата. До Леры.

Одиночество, которое она так долго гордо именовала свободой, вдруг показалось ей слишком тяжелым.

Ей, детдомовской девочке, безумно, до боли захотелось поверить, что этот ритуал - её личный ключ к истине.

Шанс переписать судьбу, смыв печать отчуждения бурными речными водами.

Лира склонилась ниже, едва не касаясь носом древней бумаги.

Чернила в этом месте были более темными, словно Лиразель выводила символы с особым, священным нажимом.

Посреди страницы красовалась четкая цепочка Из трех угловатых знаков. Каждая руна была снабжена подробным описанием, похожим на тайный шифр к закрытой двери.

Первая руна напоминала латинскую букву «короткую стрелу» или раскрытый зев -Кеназ.

В рукописи говорилось, что это руна Истинного Света и Внутреннего Огня. Она должна была сжечь невидимый терновый венец, подсветить душу Лира в темноте и сделать её видимой для того, кто предназначен ей судьбой.

Кеназ разжигала страсть и прогоняла серый туман отчуждения.

Вторая руна выглядела как идеальный симметричный крест - Гебо.

Руна Дара и Равновесия. Самый важный знак для той, кто вырос в детдоме и привык к тотальному одиночеству.

Гебо провозглашала союз равных, искреннюю любовь, верную дружбу и взаимность. Она была мостом между двумя душами, который невозможно разрушить чужой завистью.

Третья руна была похожа на крючок или латинскую «L» - Лагуз. Руна Водного Потока, интуиции и женской магии. Она идеально связывала всё заклинание с быстротечной рекой. Лагуз должна была подхватить желание Лира, мягко обойти все преграды, смыть остатки кладбищенской порчи и вынести её жизнь в правильное, счастливое русло.

«Кеназ. Гебо. Лагуз», - одними губами прошептала Лира, и от этого шепота по закоулкам старого архива пронесся едва слышный вздох, словно само время одобрило её слова.

Это была формула Истинной Встречи.Огонь, скрепленный Даром и направленный Водой.

Лира поняла: медлить больше нельзя.

На секунду замедлившись, она вырвала из своего рабочего блокнота чистый белый лист, взяла остро заточенный карандаш и, затаив дыхание, принялась бережно, линия за линией, переносить эти священные знаки на бумагу, вкладывая в них всю свою затаенную тоску по человеческому теплу.

Едва Лира поставила финальную точку в своем тайном послании Высшим силам, как оглушительный, бесцеремонный скрежет разбил архивную тишину вдребезги.

Сторож на входе громко загремел тяжелой связкой ключей, настойчиво напоминая, что рабочий день давно окончен и библиотеке пора погружаться в ночной сон.

Время вышло.

Вздвигнув, Лира быстро спрятала вырванный листок с рунической вязью «Кеназ-Гебо-Лагуз» в карман плаща, поближе к сердцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.